

СТАТЬИ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.А. НИКИШЕНКОВА

*Никишенков А.А.*¹

Речь Алексея Алексеевича Никишенкова, произнесенная на 70-летие кафедры этнологии исторического факультета МГУ (декабрь 2009)

Аннотация. Данная публикация – это стенограмма речи, прочитанной А.А. Никишенковым на семидесятилетие кафедры этнологии в декабре 2009 года. В ней он говорит о кризисе в этнографии (или социальной антропологии, что для него было двумя названиями одной дисциплины) и о том, что этот кризис должен привести к поступательному движению науки этнография.

Ключевые слова: А.А. Никишенков, кафедра этнологии, исторический факультет, юбилей

УДК 908

Abstract. This publication is a transcript of the speech, declaimed by A.A. Nikishenkov on the seventieth anniversary of the Department of Ethnology in December 2009. He talks about the crisis in ethnography (or social anthropology, that for him were the two names of the same discipline), and that the crisis should lead to forward movement of ethnography's science.

Key words: Alexei Nikishenkov, the Department of Ethnology, the Faculty of History, anniversary

Я историей науки давно занимаюсь, естественно, подхожу исторически к этому феномену. Все, чем я сейчас интересуюсь – нашей этнологической наукой, дорогой. Эта ситуация складывалась не одно десятилетие. То, что сейчас называется «постмодернистским кризисом» или вообще кризисом нашей науки, о котором уже лет двадцать пять пишут наши мудрецы (и иногда не совсем мудрецы). Кризис, безусловно, есть. А вот как к этому подходить и как, собственно говоря, планировать свою жизнь на будущее – в особенности это касается молодежи, которой здесь большинство, и это меня радует – вот об этом несколько слов.

¹ *Никишенков Алексей Алексеевич* - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (2006—2013)

Ну, во-первых, как относиться к сегодняшней ситуации? Можно по-разному относиться. Есть огромное количество вызовов, которые мы воспринимаем из-за пределов нашей науки – из нашего общества и из окружающего мира, вообще. Мы можем на них реагировать рефлекторно: есть вызов – и есть какая-то реакция. Есть запрос у властей – есть реакция, которая направлена на исполнение того или иного пожелания, на исправление той или иной социальной ситуации. Это оправданный подход, но я не очень большой сторонник того, чтобы потомки заикливались на этом прагматическом и рефлекторном варианте. Нам нужно думать о будущем, но поглядывая в прошлое. Наша этнологическая наука существует уже более полутора столетий как особая научная дисциплина и проделала большой путь. И, вы знаете, таких кризисов в нашей науке было множество. И мы не должны пугаться, не должны воспринимать происходящее сегодня у нас как нечто абсолютно уникальное и фатальное.

Теперь о подходах к этой проблеме, которую я сейчас обозначил. Есть разные подходы. Есть «кумулятивно-рационалистический» подход, когда научное знание воспринимается как накопление новых и новых знаний. Всё движется из прошлого в будущее, и этот агрегат, который мы называем наукой, в виде некой совокупности знаний, все больше увеличивается: идеи совершенствуются, подходы совершенствуются. В таком подходе есть резон.

Но есть и другой резон. Наука – это ведь не просто накопление знаний. Наука – это особая деятельность, это особая форма жизни нас с вами. И это связано с понятием «традиции науки». Вот то, что мы делаем, нередко и не просто связано с отражением окружающей действительности, а с воспроизводством некоторой модели нашей деятельности, которая сложилась до нас и создана не нами. Это и есть традиция. Она во многом похожа на традицию культурную. В культуре, вы знаете, есть такие вещи, которые не принимают логических обоснований или логических отвержений, они есть и все. Такое есть и в нашей деятельности. Об этом много написано, есть специальные школы, которые связаны с анализом науки как такой особой корпоративной деятельности. И есть даже такая дисциплина, которую кое-кто из присутствующих студентов немножко знает, которая называется когнитивная антропология.

Это наши коллеги, которые занимаются различными способами познания у нашего объекта – традиционных обществ. Так вот, у этих судей наше научное сообщество нередко, и даже довольно часто сравнивается с племенным сообществом. А наша профессиональная деятельность: защита курсовой работы, допустим, или написание дипломной, защита диссертации, отношение сообщества к тем или иным идеям, сравнивается с ритуалами, ценностями и мифами традиционных обществ. Во всех этих практиках есть вещи, которые, действительно, напоминают и ритуалы, и обычаи. И не все они принимают однозначную логическую оценку, хотя логическая оценка не только у ученых, но и у всех людей присутствует. Но эти две вещи не всегда совпадают: наша оценка нашей деятельности, логическая, и сущность нашей деятельности, которая началась в прошлом и будет продолжаться в дальнейшем.

Вот об этом, о традиции, научной традиции, мне хотелось бы несколько слов сказать. Как и во всякой традиции, у нас есть некие ценности, нормы, которые даже если и подвергаются критике и отвергаются, и, тем не менее, все равно воспроизводятся. Все мы знаем, что наша наука началась как наука о «дикарях». Я слово «дикарь» использую в кавычках, это в хорошем смысле слова, в таком смысле, в котором о дикарях писал Жан Жак Руссо. Вы знаете это любовь к доброму дикарю, такому «bon sauvage». Этой любви лет двести с лишним, а она никуда не девается. Правда руссоизм выражается по-разному, в той или иной форме.

Наша наука развивается. Существует огромное количество новых направлений. Большинство здесь присутствующих о дикарях меньше всего думают, но, тем не менее, то, как они относятся к современным проблемам, современным реалиям, далеким от первобытности, присутствуют те подходы, которые сложились при изучении и во время, такого что ли, любования дикарем. Это есть.

Какие еще племенные обычаи, племенные конструкты существуют в нашем сообществе? Есть такое понятие, которое я сразу же представлю вам в несколько негативном плане. Это культ поля. Этнограф – это тот, который в поле работает. Вы знаете... И эта данность, эта установка, много раз подвергалась критике. Вот с тех самых времен, когда этот культ сложился, а сложился он, в общем-то, в первой четверти двадцатого века, но он воспроизводится до сих пор. Хотя многие исследователи не раз говорили о том, как невинные и наивные люди попадались на удочку этого культа. А другие наоборот, ну, не хотят они в поле ехать. И сообщество их за это осуждает. Есть у нас такие проблемы, которые не обязательно с полем связаны, но сообщество ожидает от этнографа, что он обязательно отправится в поле. Вот есть такая точка зрения.

Есть и другие обычаи, такие «общие места». Одно из них называется «холизм». Это направление связано не со всеми национальными традициями, но, тем не менее, основано на стереотипах этнографа как личности, которая воспринимает культуру как некий аналог личности: он один ее видит, он один ее понимает и таким образом воспроизводит ее как целостность. Это и есть холизм. Критиковали эту точку зрения много раз, и на нашей кафедре тоже. И я признаю эту критику, потому что есть такие проблемы, которые нуждаются в том, чтобы ими занималась корпорация в целом, чтобы люди распределяли свои обязанности – это позволяет охватить масштабные общности, и это для науки важно. Но «путь поля» существует, и «путь холизма» тоже существует.

Я не буду перечислять все эти племенные обычаи. Они есть, они воспроизводятся.

Плохо это или хорошо? Я вот не скажу определенно, что все, что воспроизводится – это однозначно хорошо. Но могу сказать, что если бы этого воспроизводства не было – нашей специальности бы не было. Мы бы стали социологами второго сорта, понимаете? Политологами третьего сорта, историками..., пожалуй, тоже второго сорта. Об истории я чуть позже еще расскажу. Наше дисциплинарное лицо, оно во многом определяется этой традицией. И мы, без всяких логических

обоснований, ценим эти вещи, ценим их друг в друге, сожалеем, когда их нет, даже если это сожаление логически не оправдано.

Что еще я хотел бы сказать об этой традиции. В этой нашей традиции существует огромное количество так называемых « - измов», направлений. Это советские историки основали в свое время историографию. Они изучали всякие направления: эволюционизм, функционализм, структурализм, неэволюционизм, там не знаю, фрейдизм. Много всяких « - измов», еще больше, чем у наших коллег-историков, потому что история, как бы сказать, к таким « - измам» относится немножко отстраненно, а для нас они важны.

И что по этому поводу нужно сказать, ориентируясь на традицию? Эти « - измы» постоянно вступали в непримиримую и страшную борьбу одни с другими. Ну, пример, который вам хорошо известен: наша наука началась на базе эволюционизма. Любая и всякая, потому что это была основа научной парадигмы позитивизма. Потом пришел конец этому господству, и во многих национальных традициях эволюционизм был выброшен, понимаете ли, за борт научных судов. И, казалось бы, все: похоронили и похоронили. Наступила эра структурализма. Но пришло время, и структурализм тоже куда-то ушел. И откуда-то появился опять эволюционизм, он стал называться неэволюционизм. Честно говоря, давно говорю, что эти « - измы» мировой нашей науки и отчасти нашей отечественной никуда на самом деле не деваются. Они откладываются в фонд идей. Формируют предметную сферу и дисциплинарный подход, который с каждой эпохой делается все более многоплановым, сложным и поэтому более совершенным, я надеюсь.

И есть еще две вещи, которые нужно в данном контексте отметить. Во-первых, это то, что наша наука возникла на волне позитивизма. Сам XIX век – век позитивизма, это, собственно говоря, даже не философия, а своеобразная научная идеология. И он базировался на стандартных принципах: индуктивизм, объективизм, верифицируемость, экспериментальность. С этим никто в XIX веке не спорил. Всегда есть ученый, который соответствует этим данным. Но пришла эпоха отказа от этих стандартов. И отказ произошел повсеместно в несколько этапов. Ну, скажем, возьмем американскую традицию, Льюис Генри Морган, позитивист, эволюционист. Пришел Франц Боас из Германии, принес германский дух, сумрачный германский гений, неокантианские идеи, которые отрицают подобного рода схематизм. И это оправданно во многом. И огромная масса людей на протяжении длительного времени смотрела на научные стандарты как на некое заблуждение. Это было, это было, например, в 1920-е – 1930-е годы. И есть такое понятие «чемпионы научного поражения» – Александр Гольденвейзер, Пол Радин, Роберт Лоуи, которые говорили, что этнология – не наука! Имея в виду как раз то, что она не обязана соответствовать этим естественнонаучным, позитивистским стандартам.

Такое произошло и в Великобритании, и во Франции. Германскую науку я не буду трогать, у нее трагическая судьба. Фашизм и этнология – вещи несовместимые, поэтому германская традиция на длительное время выпала из этого общемирового процесса, о котором я говорю.

И наступила эпоха отката, нового позитивизма, уже во второй половине 20 века - это феноменологический поворот. Он охватил большое количество школ и направлений. Это 1960-е годы. Могу имена напомнить вам: Эдвард Эванс-Причард, Эдмунд Лич в Великобритании, в Соединенных Штатах в 60-70ые годы Клифорд Гирц и его школа, так называемая интерпретативная антропология, очередная смерть науки. Смерть объективизма, смерть науки позитивной, внимание к роли исследователя и так далее.

Ну и, наконец, наш милый постмодернизм. Действительно, хоть имя дикое, но слух мне вполне ласкает, потому что это неизвестно что. Постмодернизм, я глубоко убежден, – это выдумка группы людей, которые везде ищут подвох, на все смотрят недоверчиво, понимаете? Постмодернизм – это очередной кризис. Если угодно, его можно назвать «декаданс». Это упадок неких стандартов. Но не случайный упадок. Что касается нашей милой этнографии, она долгое время была как бы немножко в стороне от этих течений, но и она попала в этот круговорот... И мы уже 20 лет спорим есть ли или нет его, понимаете? Для меня этот спор кажется лишь отчасти оправданным, потому что если для кого-то он важен, значит, этот человек будет к нему подходить соответствующе. А для кого его нет, то он эти же проблемы будет по-другому трактовать. Потому что все то, что сейчас стремится, как нам кажется, уничтожить друг друга, я вас уверяю, в нашей традиции откладывается в общий фонд. И наступает эра пост-постмодернизма. И это закономерно. И у постмодернизма были свои заслуги, как и у социологической революции, как и у структурно-функциональной революции.

Наше ремесло – это не кладбище, это банк идей и банк различных подходов.